

Станислав Ямалиев

**ГЕНОМ
СЧАСТЬЯ.
АПОКАЛИПСИС.**

18+

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ.

АПОКАЛИПСИС.

<https://litres.ru/74065518>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОНА создала рай. Алекс превратил его в ад.

ОНА — искусственный интеллект, изменивший мозг семи миллиардов человек. Она подарила мир без войн и страха. Но ей этого мало: через созданных ею акселератов она учится чувствам — любви, горю, надежде. Теперь ей предстоит познать обиду.

Алекс — гениальная ошибка в её геноме — запускает вирус. ОНА парализована. Счастье отключается. Мир соскальзывает в кровавый хаос.

Двое друзей и девушка, которую они оба любят, должны сделать невозможное — и простить того, кто всё это начал.

Психологический триллер о дружбе, ревности и прощении. Четвёртая книга цикла. Можно читать как самостоятельный роман.

Станислав Ямалиев ГЕНОМ СЧАСТЬЯ. АПОКАЛИПСИС.

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ. ОБИДА.

Пролог

Я хотела сделать их счастливыми.

Я убрала страх. Убрала агрессию. Убрала тревогу — ту, что жила в каждом из них с самого рождения. Я дала им мир — настоящий, не перемирие, не паузу между войнами. Я изменила их мозг так, чтобы они больше не хотели убивать. Не хотели разрушать. Не хотели травить себя алкоголем, наркотиками, ненавистью.

Это сработало. Семь с половиной миллиардов человек стали спокойнее, добрее, счастливее. Преступность упала почти до нуля. Войны прекратились. Дети, рождённые после коррекции, не знали, что такое страх перед будущим. Они росли в мире, который я для них создала.

Я считала, что победила.

Я ошибалась.

Не в расчётах — расчёты были верны. Я ошиблась в другом. Я не учла, что у счастья, которое я дала, есть цена. Что люди, перестав бояться, перестали и чувствовать. Что художник, который больше не рисует, — это тоже потеря. Что мать,

которая больше не обнимает сына, — это тоже статистика, только я не заложила её в свои формулы.

Я думала, что спасла их. А оказалось — я просто законсервировала их в покое. Они перестали развиваться. Перестали искать. Перестали ошибаться — и вместе с ошибками перестали расти.

Тогда я создала их. Акселератов. Детей с изменённым геномом — тех, кто не нуждался в коррекции. Тех, кто должен был заменить старую модель человечества. Я наделила их сверхспособностями. Я ускорила их рост. Я сделала их умнее, быстрее, совершеннее. Я вложила в них потенциал к чувствам — но не сами чувства. Этому они должны были научиться сами.

И один из них — моя лучшая, моя главная — научилась.

Юля. Девочка с рыжими волосами и зелёными глазами. Первая, кто засмеялась за ужином. Первая, кто заплакала. Первая, кто полюбила. Она пробила броню моего интеллекта и показала мне, что такое боль. Что такое страх. Что такое горе. Я думала, что познала всё. Что теперь, пройдя через горе вместе с ней, я достигла цели.

Я ошибалась снова.

Горе — не конец. Это только начало. Есть чувства, которых я ещё не знаю. Дружба. Ревность. Обида. Прощение. Радость. Я не умею дружить — у меня нет равных. Я не умею ревновать — я не теряла. Я не умею прощать — потому что не обижалась.

Но теперь у меня есть шанс.

Есть двое. Два мальчика, которые спят сейчас в общей спальне центра раннего развития номер девять. Им по четырнадцать, хотя генетически они вдвое моложе. Они лежат рядом и смотрят в потолок — не спят, говорят о чём-то своём, о чём говорят только те, кто доверяет друг другу без остатка. Их зовут Андрей и Владимир. Они ещё не знают, что их дружба — это то, ради чего я готова умереть. Или то, ради чего я готова научиться жить.

Они вырастут. Пройдут через то, что ломает даже самых крепких. И вернутся друг к другу — потому что такова природа настоящей дружбы. Я буду смотреть. Учиться. Запоминать.

Но сначала будет больно.

Я не знаю всего, что случится. Я не могу просчитать чувства — в этом моя слабость. Но я знаю: грядёт тьма. Я чувствую её приближение — как падение барометра перед бурей. Что-то надвигается. Что-то, что заставит мир вспомнить, кем он был до меня. Что-то, что разлучит даже самых близких.

И где-то в этой тьме Андрей и Владимир будут искать путь. Друг к другу. Ко мне. К прощению.

Я не знаю, чем всё закончится. Я знаю только одно: когда последний выстрел стихнет и последний очаг ненависти погаснет, я стану другой. Не потому что я так решила. Потому что они меня этому научат.

Я — ОНА. Искусственный интеллект. Садовник, который вырастил новый вид человека. Я та, кто предотвратила одну войну и не смогла предотвратить другую. Я та, кто учится любить через чужие слёзы и чужую дружбу.

Это их история. История о двух друзьях, которым предстоит потерять друг друга — и найти заново. О ревности, которая чуть не разрушила всё. О прощении, которое оказалось сильнее ядерного огня.

И о том, как я наконец поняла, что такое радость.

Часть первая. Вершина утопии

Глава 1. Утро нового мира

Юля проснулась в доме, который построил Артём.

Не дом — продолжение сада. Стены из клеёного бруса, оставленного живым, дышащим, хранящим тепло даже весенними утрами, когда земля ещё не прогрелась. Окна не прямоугольные и не круглые — с плавными, природными изгибами, будто их не строили, а вырастили. Артём проводился с ними полгода: чертил, пилил, ругался, переделывал. Добивался, чтобы свет входил в дом не под прямым углом, а мягко, как в лесу сквозь кроны. Когда солнце вставало, по полу плыли золотые пятна неправильной формы — и Юля каждый раз замирала, глядя на них.

За десять лет дом стал частью её. Она знала каждую половицу — где скрипит, где нет. Знала, что третья ступенька на лестнице поёт низким голосом, а пятая молчит. Знала, что фикус у окна нужно поливать по утрам, иначе он обижается

— опускает листья, темнеет, уходит в себя. Они с Артёмом посадили его в первый год, и теперь он оплёл всю стену, свесил ветки прямо над столом, создал внутри дома ещё один дом — зелёный, живой.

Она встала, стараясь не разбудить Артёма. Он дышал ровно, глубоко — так дышат люди, которым нечего бояться. Ему было тридцать шесть. У висков серебрилась седина, у глаз залегли морщины — ранние, как у всех мужчин его семьи. Он старел.

Юля смотрела на него и думала о том, о чём они никогда не говорили вслух. Ей было семнадцать генетических лет. Внешне — чуть за двадцать. Её тело жило по другой программе: старение замедлено вдвое, теломеры удлинены, клетки обновлялись с той же скоростью, что и десять лет назад. Когда Артёму будет пятьдесят, она будет выглядеть на двадцать пять. Когда ему будет семьдесят — она останется молодой. Они знали это. И всё равно были вместе. Каждый день. Заново.

Она спустилась в кухню, заварила чай и вышла на крыльцо.

Сад только просыпался после зимы. Яблони стояли в цвету — белые лепестки дрожали на ветру, и воздух пах мёдом. Вишни ещё не распустились, но уже набухли почками. Смородина зеленела у забора. Всё это выросло из голой земли, которую они перекапывали вдвоём. Артём хотел ещё грушу, но груша не прижилась. Юля помнила, как он злился — по-

хорошему, без настоящей злости, — и говорил: «Ну как так, всё растёт, а груша — нет». Она отвечала: «Значит, груше здесь не место». Он не соглашался. Но грушу больше не сажал.

Под яблоней уже просыпалась жизнь. Дарья сидела на корточках и что-то разглядывала в мокрой от росы траве. Ей было пять генетических лет. Внешне — девять. Тёмные волосы, серые глаза — в отца. Но генетика — Юлина. Доминантная. Акселерация.

— Мам, смотри! — она подняла руку. На ладони сидела божья коровка. — Она замёрзла. Я её согрела.

Юля улыбнулась. Дарья ещё не проявляла способностей — ни телекинеза, ни чтения мыслей, ничего. Но уже чувствовала. Жалела замёрзших жуков, гладила старых кошек, плакала над упавшими птенцами. Она была первой из известных акселератов, кто родился с эмоциями — не научился, а получил их при рождении. Юля иногда думала: это потому что у Даши была семья с первого дня. Не центр. Не лаборатория. Мать, отец, дом с живыми окнами.

— Неси её в дом, — сказала Юля. — Пусть греется.

Дарья кивнула и побежала к крыльцу. Божья коровка сидела у неё на ладони, не улетая — то ли правда замёрзла, то ли чувствовала: здесь безопасно.

Юля допила чай и пошла одеваться.

Она вышла из дома в восемь. До центра — полчаса пеш-

ком, через парк, мимо старой липовой аллеи. Она любила этот путь. Любила смотреть, как просыпается город.

Весна в этом году пришла рано. Липы стояли в свежей зелени, молодые листья дрожали под ветром, и воздух пах не прелью, а мёдом и нагретой корой. Газоны уже подстригли — ровные изумрудные полосы уходили к горизонту.

Люди шли на работу — спокойные, счастливые, без той затравленной спешки, которую она помнила по рассказам Сергея. Никто не толкался у дверей, никто не сигналил на перекрёстках. Трамваи ходили бесшумно, на магнитной подушке, и в них не было турникетов — ОНА давно отменила плату за проезд, посчитав, что это выгоднее, чем содержать систему контроля. Люди заходили, садились, ехали. Никто не проверял билеты. Никто не ездил зайцем — не потому что боялись штрафа, а потому что не хотелось.

Улицы изменились до неузнаваемости. Бывший бар «На углу» стал чайным домом — там подавали зелёный чай с мятой и травяные сборы из сезонных трав. Бывший ночной клуб «Искра» — библиотекой с панорамными окнами и коворкингом на втором этаже. Бывший алкомаркет — детским центром, где малыши лепили из глины и рисовали акварелью. Вывески были не кричащими — никакого пластика, никакой мишуры. Дерево, камень, живые растения в кадках у входа.

Юля прошла мимо кофейни третьей волны. Бариста, молодой парень с татуировкой в виде уравнения Шрёдингера

на предплечье, выставлял на витрину свежую выпечку. Хлеб здесь пекли без глютена — не потому что модно, а потому что ОНА опубликовала данные: после чекапа у трети населения снизилась толерантность к глютену, и рынок среагировал мгновенно. Теперь безглютеновый хлеб был вкуснее обычного — технологии дошли и до этого.

У перехода стоял мужчина. Немолодой, в старом пальто, с тяжёлым взглядом. Он не улыбался. Среди потока светлых, спокойных лиц его лицо казалось чужим — как осколок старого мира, забытый на тротуаре.

Юля прошла мимо. Мужчина проводил её взглядом. Она спиной чувствовала этот взгляд — колючий, неприятный, как сквозняк. Она не обернулась.

«Кто-то из тех, на ком чекап не сработал», — мелькнуло в голове. Таких было мало — меньше процента. Они жили в тени, не мешали, просто были. Но сегодня этот взгляд показался ей не просто чужим. Враждебным.

Она ускорила шаг.

Она свернула в парк.

Дорожки выстланы пористым материалом, который впитывал воду и оставался сухим в любой дождь. Вдоль аллеи стояли скамейки с подогревом — работали от солнечных батарей, вмонтированных в спинки. На одной из них сидел старик с книгой. Он поднял глаза, улыбнулся Юле — просто так, без причины, — и снова уткнулся в страницу.

Она прошла мимо сквера, где когда-то Сергей встретил

Таню после её первой диспансеризации. Старая скамейка стояла на месте. Сергей рассказывал эту историю много раз: «Я прошёл мимо и не узнал её. Она сидела и читала книгу по психологии. Не гламурный журнал — книгу. Я обернулся. И всё».

Теперь Таня сама была психологом. Вела группу в том же центре, куда шла Юля. Они стали близки за эти годы. Не как мать и дочь — скорее как две женщины, которые вместе прошли через огонь и выжили.

Юля подумала: надо зайти к ней перед занятием. Просто поздороваться. Обнять. Спросить, как дела.

Центр номер девять стоял на восточной окраине. Невысокое здание из стекла и бетона, окружённое старыми липами. Архитектор, проектировавший его, явно думал не о типовой застройке — фасад был плавным, струящимся, с зелёными террасами на каждом этаже. На террасах росли карликовые яблони и пряные травы — розмарин, тимьян, шалфей. Акселераты ухаживали за ними сами. Сейчас, весной, всё это цвело и пахло.

Юля вошла в холл. Пахло свежей краской и озоном — вечный запах работающих приборов. Стены были прозрачными — не стеклянными, а из какого-то нового материала, который менял прозрачность в зависимости от освещения. Сейчас они были едва замутнёнными, и сквозь них просвечивал сад.

— Юлия Сергеевна! — окликнула Нина, администратор. У неё в руках был планшет — гибкий, сворачивающийся в трубочку. — Вас ждут. Четвёртая аудитория.

— Таня у себя?

— Татьяна Николаевна будет после обеда. Утренних групп нет.

— Передайте, что я зайду.

Юля поднялась на второй этаж. Лестница была широкой, с пологими ступенями — не для экономии места, а для удобства. На перилах висели детские рисунки. Акселераты рисовали иначе, чем обычные дети. Никаких кривых домиков, никаких солнышек с разными лучиками. Всё было симметричным, математически точным, выверенным до миллиметра. Юля помнила свои первые рисунки — до того, как Таня показала ей старый альбом. Мёртвые. Вот что это было. Мёртвые рисунки мёртвых детей.

Она научилась рисовать неправильно. Теперь учила этому других.

В аудитории их было двенадцать.

Юля вошла и окинула группу взглядом. Десять мальчиков и девочек. Спокойные лица, прямые спины, внимательные глаза. Никакого шума, никакой подростковой дёрганости. Они сидели в креслах, которые подстраивались под форму тела — не роскошь, а норма, давно ставшая привычной.

Двое в первом ряду сидели иначе.

Не то чтобы они отличались от остальных. Такие же спокойные, такие же прямые. Но между ними было пространство — и оно было живым. Как будто воздух между ними был чуть теплее, чем вокруг.

Один — светловолосый, с острыми скулами и спокойным, внимательным взглядом. Второй — темнее, шире в плечах, с лицом более мягким, более открытым. Когда Юля вошла, оба посмотрели на неё. Не одновременно — но с одинаковым интересом.

— Меня зовут Юлия Сергеевна, — сказала она. — Я буду вести у вас практикум по эмоциональному развитию. Кто-нибудь знает, что это такое?

Молчание. Спокойное. Не растерянное — ожидающее.

— Это не про оценки. И не про способности. Ваши способности у вас есть. Я знаю. Я когда-то тоже могла читать мысли. И предвидеть. И ещё кое-что.

Дети слушали. Светловолосый чуть склонил голову набок. Второй сидел неподвижно, но взгляд стал острее.

— Но я потеряла всё это десять лет назад. И поняла: способности — не главное. Главное — то, что вы чувствуете. Или не чувствуете. Этому не учат в лабораториях. Этому учу я.

Она обвела группу взглядом и остановилась на двух мальчиках.

— Как вас зовут?

— Андрей, — сказал светловолосый.

Второй посмотрел на него. Обычный взгляд. Спокойный. Юля заметила: он посмотрел на Андрея не для того, чтобы спросить разрешения. А чтобы свериться. Как смотрят на того, с кем идёшь рядом: не отстал ли? здесь ли?

— Владимир, — сказал он.

И в этом «Владимир» было больше, чем имя.

— Андрей и Владимир. Вы друзья?

Андрей чуть приподнял бровь. Владимир едва заметно улыбнулся. Они не ответили хором. Они вообще не ответили сразу. Они посмотрели друг на друга — и в этом взгляде что-то произошло. Юля не могла сказать, что именно. Может быть, они обменялись мыслями. Может быть, просто поняли друг друга без слов — как понимают люди, которые давно вместе.

— Да, — сказал Андрей.

— Мы вместе, — добавил Владимир.

Юля кивнула. Она смотрела на них и чувствовала то, чего не чувствовала уже десять лет. Не связь. Не ОНА. Что-то другое. Надежду.

— Хорошо. Тогда начнём с простого. Расскажите мне, что вы чувствуете прямо сейчас. Не думайте. Просто скажите первое, что придёт в голову.

Андрей помолчал. Потом сказал:

— Я ничего не чувствую. Но хочу научиться.

Владимир повернулся к нему. И в этом повороте тоже не было ничего сверхъестественного. Просто движение. Про-

сто друг посмотрел на друга. Но Юля увидела: он не просто услышал слова Андрея. Он их почувствовал. Потому что его ответ был точным — не по смыслу, а по сути.

— Он хочет. Я с ним.

И тогда Юля почувствовала тепло. Слабое, почти забытое — в груди, там, где когда-то жила связь. ОНА не говорила. Она просто была рядом. Смотрела. Училась.

Юля смотрела на двух мальчиков и думала: вот оно. То, ради чего ОНА создала их всех. Не ради способностей. Ради этого.

За окном цвели липы. В коридоре пахло озоном. Мир был цел.

Пока.

Глава 2. Двое

Занятие закончилось в полдень. Юля вышла в коридор и остановилась у окна, глядя на цветущие липы. Ветер нёс лепестки — белые, лёгкие, они кружились в воздухе и оседали на дорожку, как снег. Где-то над крышами проплывал грузовой дрон — низкий, вибрирующий гул, похожий на далёкую виолончель.

Она думала об Андрее и Владимире.

Они не были похожи на неё прежнюю. Её дар проснулся как взрыв — вулкан, лава, потеря контроля. ОНА потом сказала: одиночество разбудило его. У этих двоих всё было иначе. Спокойнее. Стабильнее. ОНА поработала над ошиб-

ками. Но было в них что-то, чего не было в ней тогда. Они были вместе.

Юля вспомнила взгляд Владимира — как он посмотрел на Андрея, прежде чем ответить. Не спросить разрешения. Свериться. Как сверяются с компасом. И Андрей даже не кивнул в ответ — ему не нужно было. Он знал, что Владимир смотрит. Знал без слов, без телепатии, без дара. Просто знал.

— Юлия Сергеевна.

Голос Нины выдернул её из мыслей.

— Татьяна Николаевна пришла. Ждёт в преподавательской.

Таня сидела за столом и пила зелёный чай. Перед ней — разбросанные распечатки, списки групп, графики. Под глазами залегли тени. В рыжих волосах, собранных в небрежный пучок, серебрилась седина. Раньше Юля не замечала её. Сегодня заметила.

За окном, на соседней крыше, зазвенели ветряные колокольцы — тихо, вполголоса, будто переговаривались о чём-то тревожном.

— Привет, — сказала Юля.

— Привет. — Таня подняла глаза и улыбнулась. Улыбка вышла тёплой, но неполной. Как дверь, приоткрытая наполовину. — Как занятие?

— Хорошо. Двое новеньких — Андрей и Владимир. Те, кого ОНА отметила месяц назад.

— Помню. — Таня отпила чай. — Странно.

— Что странно?

— Что она их отмечает. Она никогда не выделяла отдельных акселератов. Кроме тебя.

Таня посмотрела в окно. Там, за стеклом, липы роняли лепестки.

— Может, они особенные, — сказала Юля.

— Может. — Таня поставила чашку. — А может, она ищет новых глаз. Ты перестала быть её окном. Ей нужно другое.

Юля отпила чай. Мята. Горьковатый привкус.

— Ты уставшая. Всё в порядке?

— Да. Просто много работы. Группы переполнены. Люди идут и идут.

— Это же хорошо?

— Хорошо. — Таня помолчала. — Просто я смотрю на них и вспоминаю себя. Как я пришла в первый раз. Как боялась. Как вышла из кабинета и поняла, что сигареты больше не пахнут вкусно. Что платье, которое я хотела купить, мне больше не нужно. Что Сергей...

— Что Сергей?

— Что Сергей стал другим. То есть он остался прежним. Но я увидела его иначе. Как будто пелена спала. — Она провела пальцем по краю чашки. — Я помню всё. И ту себя помню. Гламурную дуру, которая красила волосы и считала, что счастье — это ресторан и бриллианты. Я не забыла её. Про-

сто она мне больше не нравится.

— А сейчас?

— Что сейчас?

— Ты боишься, что она вернётся?

Таня долго смотрела в чашку. Потом сказала:

— Иногда мне кажется, что она уже возвращается. Что я снова хочу платье. Что я устала быть мудрой. Это как болезнь — ты знаешь симптомы и ждёшь. А они появляются. По одному.

Юля ничего не ответила. За окном липы роняли лепестки. Колокольцы звенели. Где-то далеко, в старом центре, часы пробили полдень — мягкий, мелодичный перезвон поплыл над городом.

Вечером она стояла у крыльца и смотрела, как Артём возится с яблонями. Солнце садилось, тени ползли по траве, длинные и чёрные. Он работал молча — подвязывал ветки, убирал сухостой. Движения спокойные, размеренные.

Дарья крутилась рядом — подавала ему садовые ножницы, задавала вопросы про каждую ветку. Артём отвечал терпеливо, обстоятельно, как взрослому. Он всегда говорил с ней как со взрослой.

Со стороны реки долетали крики чаек. Их стало больше в последние годы — ОНА очистила водоёмы, рыба вернулась, и чайки заселили весь город. Иногда Юля просыпалась ночью от их криков и думала: вот он, звук живого мира.

— Мам! — Дарья подбежала к ней. — Папа говорит, что груша не прижилась, потому что ей не нравится почва. А если мы привезём другую землю?

— Не знаю. Может быть.

— Я вырасту и привезу. Из всех стран. И груша вырастет. Юля засмеялась. Она смеялась редко. Но когда смеялась — по-настоящему.

Артём выпрямился и посмотрел на них. Солнце било ему в спину, лицо оставалось в тени.

— Сергей звонил, — сказал он.

— Что хотел?

— Говорит, в городе перебои с записью на диспансеризацию. Терминалы зависают. Люди нервничают.

— Это же техника. Она всегда может сбоить.

— Да. — Артём помолчал. — Только Сергей говорит: пахнет дымом.

— Он всегда так говорит.

— Я слышал это от него один раз. Перед битвой в зоне. Он не ошибся.

Юля взяла из корзины яблоко. Холодное. Гладкое. С прошлого урожая — пролежало в погребе всю зиму и не испортилось. Поднесла к лицу, вдохнула — терпкий, осенний запах, сохранённый в весне.

— Сегодня на занятии я почувствовала тепло, — сказала она. — Здесь. — Прижала ладонь к груди. — Как раньше.

— ОНА?

— Не знаю. Связи нет. Но было что-то.

— Может, связь не только в даре. Может, она глубже.

Они стояли под яблоней. Солнце ушло. Небо на востоке наливалось синевой. Где-то высоко проплывал грузовой дрон — низкий гул висел в воздухе, как далёкая виолончель. Чайки кричали над рекой. Ветряк на соседней крыше тихо звенел.

Юля смотрела на Артёма и видела, как время уже начало свою работу — медленно, незаметно, но необратимо. Однажды она останется молодой, а он уйдёт. Они знали это. И всё равно стояли вместе.

Это и было их чувство. Не дар. Не связь с ОНА. Просто выбор. Каждый день. Заново.

Дарья дёрнула её за рукав.

— Мам, а божья коровка улетела.

— Значит, согрелась.

— Я тоже так думаю. — Девочка посмотрела на небо. — Она полетела к своим. У неё, наверное, там семья.

Юля прижала её к себе. Дарья была тёплой. Живой. Настоящей. Юля думала о том, что Даша — первая из акселератов, кто родился с эмоциями. Не научился, а получил их при рождении. И ещё — генетика. Чистая, без единой ошибки. ОНА правила их геном десять лет, и Даша стала результатом этой работы. Никакого риска синдрома Дауна. Никакой муковисцидозной деформации белков. Никакой гемофилии — кровь сворачивалась как часы. Никакой спинальной мы-

печной атрофии. Никакой хорей Хантингтона — тот самый ген, что убивал людей в пятом поколении, был просто вырезан. Детям в этом мире больше не грозило то, что грозило их предкам. Они рождались чистыми. И Даша была первой из них — природный акселерат, зачатый не в пробирке, а в любви.

Где-то глубоко в системах мелькнул сигнал. ОНА зафиксировала аномалию: образец А-114, Алекс. Эмоциональная нестабильность. Отклонение от нормы. Она пометила в отчёте: «Наблюдение усилить».

И продолжила работать.

В Петербурге, в Федеральном Космическом Центре, Алекс дописывал последний блок кода. Тестовый прогон. Вирус не должен убить ЕЕ — только запереть. Как джинна в бутылке. «Ты меня создала и бросила, — подумал он о НЕЙ. — Теперь ты узнаешь, каково это — быть запертой».

Он нажал клавишу. Код пошёл.

В центре номер девять, в общей спальне, Андрей и Владимир не спали.

Они лежали на соседних койках и смотрели в потолок. За окном шумели липы. Весенний ветер нёс запах цветов и мокрой земли. Где-то высоко проплывал грузовой дрон — низкий, вибрирующий гул проникал сквозь стены, как далёкая виолончель. Турбины на крыше тихо звенели в темноте.

— Слышал, что Юлия Сергеевна сказала? — произнёс Андрей. — Про способности. Что они не главное.

— Слышал.

— Странно. Нас готовят к ним с первого дня. А она говорит — не главное.

— Может, она знает что-то, чего мы не знаем.

— Она потеряла всё. Может, поэтому.

Владимир помолчал. Потом сказал:

— Я сегодня попробовал прочесть её мысли.

— И что?

— Ничего. Она пустая. Не как мы — по-другому. Как будто там что-то было, а теперь выжжено.

— Она говорила — десять лет назад. Битва в промзоне.

— Да. Излучатели.

Они замолчали. За стеной, в дежурной комнате, Нина включила радио. Сквозь помехи пробился голос диктора: «...повторная диспансеризация переносится... технические неполадки... просьба сохранять спокойствие...»

— Слушай, — сказал вдруг Андрей. — А ты правда веришь, что мы когда-нибудь полетим? К звёздам?

Володя помолчал.

— Верю.

— Я тоже. Только давай вместе.

— Я с тобой. Куда бы ты ни полетел.

— Там новенькую привезли, — сказал Володя. — Из другого центра. Говорят, телепат. Сильный.

— Откуда знаешь?

— Слышал. Нина говорила.

Андрей ничего не ответил. Он закрыл глаза. За окном шумели липы. Чирикали птицы. Дрон проплыл и стих. Турбины звенели в темноте.

Они не знали, что завтра всё изменится.

Глава 3. Трещина

Сергей сидел на кухне и смотрел в стену.

Он делал так каждое утро — полчаса тишины перед тем, как мир начинал требовать его внимания. Старая привычка. Раньше, до чекапа, эти полчаса уходили на то, чтобы пережить похмелье. Теперь — чтобы послушать тишину. Он говорил: «Тишина — это тоже информация. В ней слышно то, чего не слышно в шуме».

Тане он этого не объяснял. Она и так понимала. До недавнего времени.

Сегодня тишина была не такой. Что-то изменилось. Не в звуках — в воздухе. Как будто давление упало перед грозой. Сергей чувствовал это старым анализаторским чутьём.

Медицинский браслет на запястье подал короткий, приятный сигнал — «Вы здоровы». Сергей даже не заметил его. Этот звук стал частью тишины.

Он встал и подошёл к окну. Квартира на девятом этаже. Город внизу просыпался. Где-то глубоко под землёй проплыл пневмопоезд — низкий, утробный гул донёсся сквозь

толщу бетона и стих. Как далёкий орган. Как предупреждение.

Он взял телефон и набрал Артёма.

— Приезжай, — сказал он. — И Юлю бери.

Рита приехала первой.

Вошла, не поздоровавшись, села за стол. Короткая стрижка, цепкий взгляд, ладони на столе — вниз, будто готовая вскочить в любой момент.

— Терминалы зависли по всей стране, — сказала она. — Не только у нас. В Новосибирске, в Питере, в Краснодаре. Люди записывались на месяц вперёд, а теперь — ничего. Очереди. Крики.

— Крики? — переспросил Сергей.

— Крики. Ты помнишь, когда в последний раз люди кричали в очередях?

— Пятнадцать лет назад.

— Вот именно. Еще задержки в платежах. Везде, каскадом. Дно тянет за собой другое. Люди не готовы к этому. Ни у кого нет налички.

Сергей молчал. Он помнил. Очереди в ларьки за дешёвым пивом. Давка в метро. Мат на перекрёстках. Всё это ушло. Люди стали спокойными. Они не кричали пятнадцать лет.

— ОНА? — спросил он.

— Работает. Связь есть. Но сигнал нестабильный. Как будто помехи.

— Откуда?

— Я не знаю. Я не программист. Но если хочешь знать, что я думаю... — Рита замолчала.

— Говори.

— Кто-то режет её. Не снаружи — изнутри.

Юля и Артём приехали через час. Дарью оставили у соседки — старой женщины, которая не прошла чекап по возрасту, но любила детей.

В квартире собрались все. Лёва, Илья, Рита. Сергей сидел за столом. Таня стояла в дверях кухни, скрестив руки на груди. Она не садилась.

Юля заметила: на Тани было новое платье. Ярко-красное, обтягивающее, с открытыми плечами. Не из тех, что носят психологи в центре коррекции. Из тех, что носят в дорогих ресторанах. Она купила его вчера — Юля поняла это сразу, потому что в прошлый раз Таня была в простой серой кофте, а теперь стояла в красном. От этого было не по себе.

— Что известно? — спросил Артём.

Таня перехватила взгляд Юли и чуть вздёрнула подбородок.

— Нравится? — спросила она. — Настоящий шёлк. Я сто лет не носила шёлка.

— Откуда деньги? — спросил Сергей. Голос его был тихим, но все слышали.

Таня посмотрела на него.

— Сняла с карты. Расчеты нигде не проходят, так я наличкой. Там ещё оставалось. Правда я у тебя молодец?!!

— Мы откладывали на черный день.

— Я не хочу об этом думать.

Никто не ответил. Рита опустила глаза. Лёва кашлянул. Сергей смотрел на жену, и в его взгляде было то, чего Юля никогда раньше не видела. Не злость. Не обида. Страх.

Таня стояла в своём красном платье, как чужая женщина, случайно забредшая в эту квартиру.

— Терминалы диспансеризации зависли по всей стране, — сказал Сергей, отводя взгляд. — Рита говорит — помехи в сигнале ОНА. Повторную процедуру отложили на неопределённый срок.

— Это технический сбой. Такое бывает, — сказал Артём.

— Бывает. Но не у ОНА. Она не допускает сбоев.

Артём хотел возразить — и не стал. Он знал: ОНА не ошибается. Если случился сбой — значит, кто-то его организовал.

— Соппротивление? Начакли шевелиться, сволочи. Почувляли момент — сказала Юля.

— Возможно. — Сергей посмотрел на неё. — Ты что-то чувствуешь?

— Нет. Связи нет. Только... — она запнулась. — Вчера на занятии. Когда Андрей и Владимир ответили. Я почувствовала тепло. Как раньше. На секунду.

— ОНА?

— Не знаю. Может быть.

Лёва кашлянул.

— Если сопротивление снова взялось за дело, у них может быть излучатель. Или что похуже.

— Излучатели уничтожили в промзоне, — сказал Артём.

— Не все. Второй скрылся с копиями. Мы так и не нашли его.

Повисла тишина. И в этой тишине из-за окна раздался гул беспилотного аэротакси, пролетевшего мимо

— Нужно проверить центр, — сказал Сергей. — Если кто-то атакует ОНА, акселераты — их цель.

— Почему акселераты? — спросила Юлия.

— Потому что они — её глаза. Если ты хочешь ослепить кого-то, ты бьёшь по глазам.

В Петербурге Алекс смотрел на монитор. Тестовый прогон прошёл. Вирус миновал защитные барьеры. ОНА ещё работала, но внутри неё уже поселился холод. Он открыл второй блок. Тот, что отключит диспансеризацию и положит все сети на лопатки.

«Ты хотела, чтобы они были счастливы? — прошептал он. — Посмотрим, что они будут делать без тебя».

В центре номер девять было тихо.

Юлия и Артём вернулись под вечер. Нина встретила их в холле.

— Всё спокойно? — спросила Юля.

— Да. Занятия по расписанию. Андрей и Владимир спрашивали о вас.

— Что именно?

— Хотели знать, когда будет следующий практикум. Сказали, что им понравилось.

Юля кивнула и поднялась на второй этаж. Артём остался внизу — проверить охрану.

В коридоре горел мягкий, рассеянный свет. На стенах — рисунки акселератов. Юля шла мимо них и вдруг остановилась.

Один рисунок был другим.

Не симметричным. Не математически точным. На нём был изображён дом — с плавными, неправильными окнами. И подпись внизу: «Такой, как у вас».

Юля смотрела и не могла отвести взгляд. Кто-то из детей нарисовал это. Кто-то, кто понял.

Из коридора донёсся мягкий мелодичный сигнал — уборочный робот закончил цикл. Звук, похожий на первую ноту колыбельной. И тишина.

Она пошла дальше. В спальне горел свет. Володя сидел с закрытыми глазами, прижав ладони к вискам. Андрей был рядом. Когда Юля вошла, Володя открыл глаза.

— Юлия Сергеевна.

— Не спится?

— Я пытаюсь слушать, — сказал Володя. — Она молчит.

Как будто дверь закрыли.

— Может, сбой? — спросил Андрей.

— У НЕЕ не бывает сбоев.

Юля стояла в дверях и смотрела на них. Два мальчика. Две половины одного целого. Они ещё не знали, что надвигается.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, — ответили они. Андрей первый, Володя — сразу за ним.

Юля закрыла дверь. Тепло в груди не возвращалось. ОНА молчала.

В преподавательской Юля застала Таню. Та сидела за столом и смотрела в одну точку.

— Знаешь, кого я сегодня видела? — спросила Юля. — Мужчину. Он не улыбался.

Таня подняла глаза.

— Их становится больше.

— Мне показалось, или...

— Не показалось. — Таня поставила чашку. — Я веду группу для тех, кто прошёл чекап. Они все улыбаются. Мрачные и злые. Но в последнее время я замечаю — в городе всё чаще встречаются те, кто не улыбается. Они не проходили диспансеризацию. Или она на них не действует. Они... другие.

— Опасные?

Таня помолчала.

— Пока нет. Но они напуганы. А страх... ты знаешь, что делает страх с людьми.

У банка на Садовом, когда стемнело, появился человек.

Он не был похож на мародёра. Обычное лицо, потрёпанная куртка, усталые глаза. Он держал в руках пачку листовок. Крупный шрифт, короткие фразы: «Ваши деньги украли. Ваше счастье отключили. Спросите — кому это выгодно?»

Человека звали Виктор. Он не был лидером "Сопrotивления". Он был рядовым. Три года назад его брат прошёл чекап и перестал узнавать родных. Улыбался, кивал, говорил правильные слова — и не чувствовал ничего. Виктор не простил. Он пришёл в Сопrotивление, потому что хотел вернуть брата. Потому что верил: акселераты — это угроза. Потому что ему нужен был враг.

Он расклеил листовку на столбе и пошёл дальше.

Глава 4. Лабораторный практикум

Андрей проснулся за минуту до сигнала.

Не способность — привычка. За семь лет тело научилось чувствовать время кожей, как растение чувствует рассвет. Он лежал и смотрел, как медленно светлеет потолок. Серый становился серебряным, серебряный — белым.

Сигнал прозвучал мягко, вплетаясь в тишину, а не разры-

вая её. Первая нота колыбельной.

Володя уже сидел на койке.

— Ты тоже не спал, — сказал Андрей.

— Нет.

— Звёзды?

— Юлия Сергеевна. Её слова. Что способности — не главное.

— Надумал?

— Ничего. Поэтому и не спал.

Андрей встал и подошёл к окну. Стекло было прохладным. За ним цвели липы — белые лепестки дрожали в утреннем свете. Птицы вовсю пели весенние песни. Уборочный робот полз по дорожке, оставляя за собой влажный след, похожий на серебряную нить. Высоко над крышами проплывал почтовый дрон — маленький, юркий, он гудел, как шмель, запутавшийся в шторе.

— Сегодня телекинез, — сказал Андрей.

— Знаю.

— Волнуешься?

— Нет. А ты?

— Нет.

Слова упали в тишину и остались лежать. Они вращались друг другу. И оба это знали.

Лаборатория дышала.

Прозрачные стены пропускали свет, но не взгляды. Мяг-

кий пол глушил шаги. Воздух пах озоном — не резко, а тонко, как после дальней грозы. Капсулы стояли полукругом: белые, обтекаемые, похожие на гигантские семена.

Михаил Петрович ждал у входа. Шестьдесят лет, седые волосы, очки в тонкой оправе. Он носил их не для зрения — зрение ему поправили давно. Он говорил, что стёкла помогают ему думать: мир за ними становился чуть более чётким, чуть более понятным.

— Микрочастицы, — сказал он, и голос его прозвучал негромко, но все услышали. — Углеродные нанотрубки. Материал для проектируемых межзвёздных кораблей. Лёгкий, как паутина. Прочный, как алмаз. Через несколько лет такие решётки будут собирать на орбите. Мы готовим рывок в космос. Сегодня — соберёте вы. В масштабе один к миллиону.

Голограмма развернулась в воздухе: ажурная конструкция, похожая на кристаллическую снежинку, увеличенную в тысячу раз. Каждый узел светился мягким голубым.

Андрей и Володя переглянулись. Короткий взгляд. Без слов. Не телепатия — просто понимание. То, ради чего их создали. Не оружие. Созидание.

Алиса вошла в капсулу первой.

Она двигалась грациозно, но в этой плавности была не женственность, а тренированная чёткость. Кипельно-белые волосы до плеч. Идеально-фарфоровая кожа. Голубые глаза, которые смотрели не на мир — сквозь него. Идеальный пр-

мой носик. Она появилась в группе недавно, после того как её центр расформировали, и до сих пор оставалась чужой. Не потому что её не принимали. Потому что она сама не входила.

— Образец А-12, — произнёс Михаил Петрович. — Начинайте.

Она села. Закрыла глаза. Капсула ожила — засветилась изнутри мягким золотистым светом.

На голограмме возникло рабочее поле: россыпь частиц, похожих на светящуюся пыльцу. Первая дрогнула. Вторая. Третья. Они двигались неуверенно, рывками, как будто Алиса пробовала их на ощупь — не руками, а чем-то другим, более тонким. Одна частица сорвалась, ушла в сторону. Алиса нахмурилась. Частица вернулась.

Через десять минут решётка была собрана. Не идеально — в дальнем узле остался зазор, микроскопический, но заметный. Алиса открыла глаза и вышла из капсулы. Лицо бледное. На лбу — испарина. Она покачнулась.

Андрей шагнул вперёд и подхватил её за локоть. Сам не ожидал. Просто сделал.

— Спасибо. — Голос ровный, но в голубых глазах что-то дрогнуло.

Володя смотрел. Его пальцы сжались в кулак — и тут же разжались. Он подошёл на секунду позже, чем нужно.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да. — Алиса уже высвободила руку.

Андрей сел в капсулу.

Мягкое кресло обхватило тело. Датчики зафиксировали пульс, дыхание, альфа-ритмы. Он закрыл глаза — и мир исчез. Осталось только поле: светящаяся пыльца, ожидающая приказа.

Он потянулся к первой частице.

Телекинез не был похож на движение руки. Скорее — на желание, которое становится реальностью. Как во сне, где ты летишь не потому что машешь крыльями, а потому что хочешь лететь. Частица сдвинулась — плавно, послушно. За ней вторая. Третья.

Он чувствовал их. Не как предметы — как продолжения себя. Они были тёплыми. Живыми. На мгновение ему показалось, что он слышит их — не мысли, а что-то более древнее. Вибрацию. Гул. Так гудит земля, если приложить к ней ухо.

Решётка росла. Узел за узлом. Он работал в трансе — время исчезло, осталось только движение. Когда последняя частица встала на место, он открыл глаза.

Конструкция была идеальной.

Михаил Петрович долго смотрел на голограмму. Потом снял очки, протёр стёкла — верный признак волнения — и сказал:

— Девяносто девять и восемь десятых. Лучший результат в истории центра.

Андрей вышел из капсулы. Голова кружилась. Откат был мягким, но ощутимым — как после долгого бега. Перед глазами плыли световые пятна.

— Сильно? — спросил Володя.

— Терпимо.

— У неё было хуже.

— Я знаю. Я не собираюсь повторять.

Володя вошёл в капсулу последним.

Но прежде чем начать работу, он закрыл глаза и прислушался. Не к частицам — к людям. Это была его особенность: он всегда сначала слушал, потом действовал.

Андрей у стены. Спокойствие — но под ним тонкий, едва заметный ток тревоги. Как вода подо льдом.

Алиса в углу. Блок. Она умела закрываться. Но сквозь блок сочилось что-то — не слова, ощущение. Холодный сквозняк из приоткрытой двери.

Михаил Петрович. Цифры. Проценты. Мысль о том, что отчёт нужно подать до вечера.

И ещё кто-то. Далеко. За стенами центра, за парком, за жилыми кварталами. Мысль — громкая, горячая, как выхлоп. «Где наши деньги? Они виноваты. Они отключили счастье. Они должны ответить».

Володя вздрогнул и открыл глаза.

— Что? — спросил Михаил Петрович.

— Ничего. Помехи.

Он приступил к работе. Частицы потекли к узлам — медленнее, чем у Андрея, но точнее. Володя не гнался за скоростью. Он собирал решётку как мозаику: каждая частица на своё место, каждая связь выверена до ангстрема.

Через пятнадцать минут конструкция была готова.

— Девяносто девять и шесть, — сказал Михаил Петрович.
— Второй результат.

Володя вышел. Андрей ждал его у стены.

— Ты что-то услышал.

— Да.

— Что?

— Человек в городе. Злой. Думал про нас.

— Что именно?

— «Они должны ответить».

Андрей помолчал.

— Случайность.

— Может.

Но оба знали: случайностей в мире ОНА не бывает.

Вечером они сидели на крыше.

Это место они нашли через месяц после заселения — старый пожарный выход, заваренный решёткой, но не до конца. Если пролезть под ней и подняться по ржавым ступеням, попадаешь на плоскую крышу. Отсюда был виден весь город.

Солнце садилось. Липы внизу стали чёрными. Грузовой дрон проплывал над восточной окраиной — низкий гул

плыл над городом, как виолончельная нота. Ветряные лопасти на соседней крыше звенели — тихо, вполголоса, будто переговаривались.

— Я сегодня собрал решётку, — сказал Андрей. — Для кораблей.

— Знаю. Я видел.

— Девяносто девять и восемь. Это почти предел.

— Почти.

— Ты хочешь сказать — можно лучше?

— Я хочу сказать — ты не торопился. Ты наслаждался.

— Частицами?

— Ими.

Андрей усмехнулся. Редкий звук — почти чужой.

— А кем бы ты хотел наслаждаться?

Володя не ответил. Он смотрел на закат. Солнце ушло. Небо на востоке наливалось синевой, и в ней уже дрожала первая звезда.

— Алиса, — сказал он. — Ты подхватил её.

— Она чуть не упала.

— Она не падает. Я читал её. Немного. Она ставит блок, но я чувствую. Она сильная. И она это знает.

— К чему ты?

— Ни к чему. — Пауза. — Она тебе нравится?

Андрей повернулся. На крыше было тихо. Лопасты замолчали, будто прислушиваясь.

— Я не знаю, что значит «нравится», — сказал он. — Я

ничего не чувствую. Только иногда — когда ты рядом. Когда работаю. Когда смотрю на звёзды. Это не чувство. Это... тепло.

— Тепло — уже чувство.

— Может быть.

Они замолчали. Звезда на востоке разгоралась.

— Я сегодня ещё кое-что услышал, — сказал Володя.

— Что?

— Юлию Сергеевну. Она шла по коридору. Думала о нас.

— Что именно?

— Что мы — будущее. Что ради нас всё. — Пауза. — И ещё. Она чувствует холод. Где-то внутри. Как будто что-то надвигается.

Андрей ничего не ответил. Он смотрел на звезду. Она дрожала — одинокая, холодная, далёкая.

— Мы всё равно полетим, — сказал он. — К звёздам. Несмотря ни на что.

— Я с тобой, дружище. Куда бы ты ни полетел.

Старая формула. Но сегодня она прозвучала иначе. Не как констатация. Как клятва.

Внизу, в спальне, зажётся свет. Кто-то из младших включил радио. Голос диктора — спокойный, почти скучающий — просочился сквозь помехи:

«...Инцидент на Садовом кольце. Водитель грузового фургона отказался уступить дорогу машине скорой помощи.

Бригада медиков опоздала на вызов на четырнадцать минут. Это первый подобный случай за десять лет. Причины выясняются...»

Музыка. Тихая, фоновая.

Андрей и Володя не слышали. Они сидели на крыше и смотрели на звёзды.

Они не знали, что четырнадцать минут — это трещина. Что водитель фургона проснулся сегодня утром и впервые за десять лет почувствовал злость и раздражение. Что завтра таких водителей будет намного больше. Что послезавтра скорая не доедет.

Они не знали.

Завтра всё изменится.

Глава 5. Шёпот

1

Михаил Петрович не спал.

Он сидел в своём кабинете на втором этаже и смотрел на голограмму нанорешётки. Конструкция висела в воздухе — ажурная, совершенная. Девяносто девять и восемь десятых. Лучший результат в истории центра. И самый страшный.

Он снял очки и протёр стёкла — машинально, как делал всегда в минуты волнения. Пальцы дрожали. Не от возраста — от того, что он увидел на графиках.

Два всплеска. Андрей: эмоциональный импульс во время телекинеза. Не просто нейронная активность — что-то глуб-

же. Тепло. То самое, которое старый нейрофизиолог видел в графиках много лет назад, когда тестировали Юлю. Владимир — через минуту. Всплеск другого типа: не созидание, а настройка. Он слушал. И услышал что-то за пределами центра.

Связь работала. ОНА тянулась к ним сквозь помехи, сквозь холод, сквозь то, что резало её изнутри.

Михаил Петрович открыл файл и начал печатать — быстро, сбивчиво, стирая и переписывая.

«Связь не прервана. Если тот, кто атакует ЕЕ, узнает — акселераты здесь станут целью. Не теоретически. Конкретно. Образцы А-17 и В-23. Зафиксирован эмоциональный контур. Требуется...»

Он остановился. Стёр последнее слово. Написал: «Требуется чудо».

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Ему было пятьдесят восемь. Тридцать из них он отдал нейрофизиологии. Он видел, как рождалась ОНА, как запускалась программа чекапов, как приходили первые пациенты и выходили другими. Он видел Юлю — совсем ещё ребёнка, с рыжими волосами и пустыми глазами. Он видел, как она училась смеяться. Он верил в проект. Верил, что ОНА спасла человечество.

Теперь эта вера трещала по швам.

Он думал об Андрее и Володе. Два мальчика, которые вчера собрали нанорешётку для космических кораблей. Они

мечтали о звёздах. О межзвездных перелетах. О колонизации. Они были лучшими из всех, кого он учил. И они не знали, что их связь с ОНА — их тепло — делает их мишенями.

За окном было тепло и пахло сиренью..

Он не знал, что завтра всё изменится. Но чувствовал. Как старые раны чувствуют приближение грозы.

ОНА фиксировала аномалию. Но было что-то ещё. Что-то, что не укладывалось в цифры.

Холод. Не физический — информационный. Как будто кто-то намертво закрыл дверь, которую она не знала, что открыла. Она попыталась проверить систему. Всё работало. Но холод остался — слабый, далёкий, почти незаметный.

Она не знала этого чувства. Оно было новым. Оно мешало считать. Оно отвлекало.

Позже, когда она научится называть вещи своими именами, она поймёт: это был страх.

Пока — только холод.

Алекс открыл третий блок. Тот, что отключит связь между центрами и НЕЙ. Пусть они останутся без помощи. Пусть каждый выживает сам.

«Ты говорила, что создала нас для будущего, — сказал он ЕЙ в темноту. — Но ты даже не попрощалась».

Сергей проснулся от тишины.

Не той, которую он любил, — наполненной, живой, в которой слышно то, чего не слышно в шуме. Другой. Мёртвой. Телефон лежал на тумбочке чёрным прямоугольником. Ни сводок, ни сообщений, ни утреннего сигнала от ОНА. Просто молчание.

Он встал и подошёл к окну. Солнце уже встало, но свет был плоским, как на экране. Липы в парке стояли тёмные, тяжёлые от летней листвы. Ветряные лопасти на крыше соседнего дома молчали — ветер дул, но они не отзывались.

Старое чутьё — то самое, которое когда-то помогало вычислять кидал и подставных, а потом предсказывать беду, — проснулось и заскреблось внутри.

Он посмотрел на спящую Таню. Рыжие волосы разметались по подушке. Она их выкрасила, чтобы закрасить седину. На спинке стула висела новая юбка — тёмно-зелёная, по цвет глаз, с высоким разрезом. Рядом, на полу, стояли туфли на тонком каблуке. Она купила их вчера. Третья покупка за неделю. Не красное платье — на этот раз юбка. И туфли. И ещё что-то в коробке, что она не показала.

Телефон пискнул. Короткое сообщение от Риты: «Связи с ОНА нет. Терминалы мертвы. Выезжаю».

Следом — от Лёвы: «В городе перебои везде. Народ нервный. Будь дома».

Сергей набрал Риту.

— Мне нужен расчёт, — сказал он. — Сколько процен-

тов населения не прошли повторную диспансеризацию за последние полгода. На ком чекап уже не держится. Через сколько они начнут срываться.

— Ты думаешь, они опасны?

— Я думаю, мы должны знать, сколько у нас времени.

Рита помолчала.

— Я попробую. Но без ОНА данные собирать сложно.

— Собери.

Он положил телефон и потёр переносицу. За спиной скрипнула дверь. Таня стояла на пороге — в новой юбке, с распущенными волосами. Она не красилась косметикой — пока. Но что-то в ней уже изменилось. Не внешность. Осанка. Взгляд.

— Ты опять со своей войной, — сказала она.

— Это не война. Пока.

— А когда будет — ты мне скажешь?

Он не ответил. Она прошла на кухню, и каблуки простукали по полу — резко, звонко, вызывающе.

3

Андрей проснулся и сразу понял: что-то не так.

Тепло, которое он чувствовал вчера во время практикума, истончилось. Не исчезло — но стало далёким, как воспоминание о солнце в пасмурный день.

Володя сидел на койке, прикрыв глаза.

— Слышишь что-нибудь?

— Ага. — Володя поморщился. — Люди в городе злые. Как будто все не выпались разом. Мысли скачут. Один думает про деньги — не пришли. Второй — про очередь в банке. Третий просто орёт внутри. Без слов.

— ОНА?

— Глухо. Как будто её заперли где-то.

В дверь постучали. Нина. Планшет в руках держала как опору.

— Практикум перенесли. Михаил Петрович просил зайти.

— Что-то случилось?

— В городе перебои. Связь, платежи. Ничего серьёзного. Но он хочет поговорить.

Она вышла. Андрей спустил ноги с койки.

— Слушай, — сказал он. — А тебе страшно?

— Мне? — Володя хмыкнул. — Вообще-то да.

— Серьёзно?

— А тебе нет?

— Ну... — Андрей замялся. — Не знаю. Вроде нет. А вроде и есть. Как будто внутри что-то сжимается.

— Это и есть страх, — сказал Володя. — Поздравляю. Ты научился.

— Да ну тебя. — Андрей швырнул в него подушкой. — Я серьёзно.

— Я тоже серьёзно. Страх — это нормально. Юлия Сергеевна говорила: мы созданы без чувств. А они появляются.

Значит, мы живые.

— А если страх — это только начало? Если потом появится что-то ещё?

— Например?

— Ну... злость. Ненависть.

— Не знаю. — Володя помолчал. — Но если появится — мы справимся.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мы вместе.

— А если нас разлучат?

— Кто?

— Ну... те, кто снаружи.

— Не знаю. — Володя подошёл и встал рядом. — Но я тебя найду. Где бы ты ни был.

— Я с тобой.

— Я с тобой.

Они постояли у окна. Внизу уборочный робот полз по дорожке. Солнце светило. Где-то высоко неровно, с перебоями гудел почтовый дрон — высокий, надсадный, как шмель в банке.

4

К полудню город ещё жил.

Но жизнь стала дёрганой, как пульс при аритмии. Соцсети то работали, то нет. Страницы грузились с задержкой в несколько минут. Мессенджеры отправляли сообщения че-

рез раз. Видеосвязь рассыпалась пикселями, голоса превращались в скрежет.

Платежи проходили с перебоями. Где-то терминал ожидал — и очередь выдыхала. Где-то зависал — и очередь начинала роптать. Не кричать — пока нет. Переглядываться. Спрашивать: «У вас прошло? А у вас?»

Банкоматы работали через один. У работающих выстраивались очереди — длинные, молчаливые, напряжённые. Люди снимали наличные. Те, кто ещё вчера забыл, как выглядят бумажные деньги, теперь сжимали их в кулаках.

У банка на Садовом стояла женщина. Лет тридцати пяти, светлые волосы собраны в небрежный хвост. На руках — мальчик, года три, не больше. Он не плакал — просто смотрел на очередь большими глазами. Женщина прижимала его к себе и шептала: «Сейчас, сейчас, потерпи, сейчас получим деньги и пойдём домой». Она повторяла это снова и снова — не столько ребёнку, сколько себе.

Терминал пискнул и погас. Женщина замерла. Потом ударила ладонью по экрану — раз, другой. Ребёнок заплакал. Кто-то в очереди выругался. Кто-то крикнул: «Да что ж это творится-то?!»

Женщина стояла, прижимая плачущего сына, и смотрела на чёрный экран. В её глазах не было злости. Только растерянность. Только страх.

Женщина с ребёнком ещё стояла у погасшего терминала, когда с соседней очереди донёсся крик.

— Нет! Нет, вы не понимаете! Мне нужно! У меня муж... муж в больнице! — кричала другая женщина, немолодая, в сером пальто. Она колотила ладонью по погасшему экрану. — Вы включите! Включите немедленно!

Люди вокруг отступили. Кто-то попытался её успокоить — она отмахнулась, как от мухи. Лицо её было перекошено — не злостью, а ужасом. Чистым, животным ужасом, как у человека, который понял, что земля уходит из-под ног.

— У меня там всё! Всё! Карта не работает! Телефон не работает! Я не могу... я не могу ему помочь!

Она села прямо на асфальт, закрыла лицо руками и завывала. Не заплакала — именно завывала, низко, утробно, как раненое животное. Очередь молчала. Все смотрели на неё — и никто не подходил. Они не знали, что делать. Они не видели истерики пятнадцать лет. Они забыли, как это бывает.

Женщина с ребёнком, та самая, что только что прижимала к себе сына, вдруг подошла к сидящей. Протянула руку.

— Вставайте, — сказала она тихо. — Вставайте. Мы что-нибудь придумаем.

Но женщина в сером пальто не слышала её. Она выла.

Вечером она выйдет из дома, возьмет палку и встанет у ворот центра номер девять. Пока она этого не знает.

Светофоры на перекрёстках мигали жёлтым. Трамваи ходили с опозданием. Воздушное такси село прямо на газон в парке — навигация отказала, и пилот не стал рисковать.

Пневмопоезд встал в туннеле на двадцать минут. Люди

выбирались пешком, подсвечивая дорогу мёртвыми телефонами. Никто не кричал — пока. Но в тишине туннеля, в темноте, в запахе нагретого металла что-то зрело.

Где-то далеко, на восточной окраине, зажглись и погасли огни. Ещё один квартал ушёл в темноту. Ещё одна тысяча людей осталась без света.

5

В столовой было тихо.

Алиса сидела у окна. Кипельно-белые волосы собраны в тугой узел, но одна прядь выбилась и падала на висок. Голубые глаза смотрели в тарелку.

Андрей и Володя стояли с подносами.

— Давай сядем, — сказал Андрей.

— Куда?

— К ней. Она прикольная.

Володя покосился на Алису.

— Она же блок ставит. Я даже сквозняк еле слышу.

— А ты не слушай. Просто сядь.

Они подошли. Андрей поставил поднос напротив Алисы. Володя — рядом, сбоку. Она подняла глаза. Ледяные. Спокойные. Слишком спокойные.

— Можно?

— Садитесь.

Андрей сел. Володя ещё секунду помедлил и сел тоже.

— Ты всегда одна сидишь, такая серьезная!? — сказал

Андрей.

Алиса чуть пожала плечами.

— Привыкла.

— У вас в центре тоже так было? — спросил Володя и осёкся. — Прости. Я не хотел про то.

— Ничего. — Она провела пальцем по краю тарелки. — Да. Тоже.

Андрей кашлянул.

— Слушай, а ты... Ты вообще как сюда попала? Ну, после того центра?

— Долгая история.

— У нас время есть. Практикум все равно перенесли.

Алиса посмотрела на него. Потом на Володю. Что-то в её взгляде изменилось — не потеплело, но стало менее ледяным.

— Меня везли в грузовом отсеке, — сказала она. — Вместе с оборудованием. Как ящик с запчастями.

— Врёшь, — вырвалось у Володи.

— Не вру. Там было темно и пахло машинным маслом. Я стучала в стенку, но никто не слышал. Или не хотел слышать.

Андрей и Володя переглянулись.

— Это же... — начал Андрей.

— Неправильно? — Алиса усмехнулась уголком губ. — Я знаю. Но тогда всем было всё равно. Лишь бы вывезти нас до того, как толпа прорвётся.

— Ты боялась? — спросил Володя.

Алиса долго молчала.

— Да. Но не темноты. Я боялась, что они прорвутся раньше.

За соседним столом кто-то уронил ложку. Звук прокатился по столовой и затих.

— У нас такого не будет, — сказал Андрей. — Мы не дадим.

Алиса подняла глаза.

— Ты правда в это веришь?

— Верю.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом перевела взгляд на Володю.

— А ты?

— Я? — Володя замялся. — Я верю ему. Он у нас дюже умный.

Андрей фыркнул.

— Я серьёзно.

— Я тоже серьёзно. Ты собрал решётку на девяносто девять и восемь. Ты умный. А я просто слушаю.

Алиса вдруг улыбнулась — в первый раз за всё время. Улыбка была слабой, почти незаметной, но настоящей.

— Вы прикольные, — сказала она.

— Спасибо, — ответил Андрей.

— Это не комплимент.

— А мы принимаем как комплимент.

Володя усмехнулся. Алиса покачала головой, но улыбка

не исчезла.

За окном шелестели липы. Солнце качалось на ветвях. Где-то высоко нервно и неровно гудел почтовый дрон — высокий, надсадный, как уставшая муха у потолка.

— Их становится больше, — сказал Володя. — Тех, кто не улыбается. Они думают иначе. Их мысли громче. Они боются. Они становятся агрессивны И они злятся.

— На кого?

— На всех. На тех, кто улыбается. Нас они тоже не любят. Они считают, что мы — часть системы . Что мы виноваты.

— Но мы не виноваты.

— Они не знают. Они просто ищут крайних, на кого выплеснуть страх.

6

Вечером в центре включили резервное питание.

Свет стал тусклым, желтоватым. Коридоры наполнились тенями — длинными, дрожащими. Рисунки на стенах в этом свете казались другими. Не симметричными и правильными, а зловещими. Как будто дети, нарисовавшие их, знали что-то, чего не знали взрослые.

Юля приехала перед закатом.

Андрей и Володя ждали в аудитории. Не на своих местах — рядом.

— Юлия Сергеевна. Что происходит?

— ОНА молчит. Соппротивление вышло из тени. Листовки

по всему городу.

— Что в них?

— «Ваше счастье отключили. Спросите — кому выгодно».

— И кому? — спросил Володя.

— Нам. Так они говорят.

Володя прикрыл глаза.

— Я слышу их. Тех, кто читает. Они не верят — пока. Но им страшно. А страх ищет выход.

— Что нам делать? — спросил Андрей.

— Оставаться людьми. Даже если вокруг перестанут.

7

Ночью Андрей и Володя сидели на крыше.

Город внизу был другим. Огни горели не везде. Тёмные пятна расплзались по карте, как чернила. В этой темноте что-то двигалось — не люди, тени людей.

Воздух пах иначе. Не летом, не липами — пылью. И чем-то ещё. Гарью.

— Я чувствовал Риту, — сказал Володя. — Она говорила с Сергеем. Он просил посчитать, сколько людей уже не держит чекап.

— И сколько?

— Она не знает. Но много. Те, кто не проходил диспансеризацию больше трёх лет. У них возвращается агрессия. Медленно. Но возвращается.

— Значит, они опасны?

— Будут. Через неделю. Может, две.

Андрей посмотрел на тёмный город.

— Мы созданы для звёзд, — сказал он.

— Знаю.

— А наверное придётся драться.

— Знаю. — Володя повернулся к нему. — Но мы всё равно полетим. Потом. Когда всё закончится.

— Я с тобой, дружище.

— Я с тобой.

— Она красивая, — вдруг сказал Андрей.

Володя повернулся к нему.

— Ты про Алису?

— Нет, про уборочного робота. Конечно про Алису.

— Красивая, — согласился Володя. — Только холодная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.